

его отношений с остальными родами человеческой деятельности явственно обозначился. Правда, демократизация художественного сознания в России последней четверти XVIII в. не всегда была ознаменована углублением тенденций, намечавшихся в эстетике Дидро. Для этого в России еще не созрели условия. Развитие русской эстетической мысли на рубеже двух веков протекает в русле восприятия идей предромантической эстетики Ф. Шиллера и И. И. Винкельмана, с одной стороны, и И. Г. Гердера — с другой. В русской литературе данный этап связан с утверждением художественной системы сентиментализма.

Крупнейшими представителями школы сентиментализма в России явились М. Н. Муравьев и Н. М. Карамзин. Для обоих характерно признание «красоты» высшей целью и конечным предметом искусства. Так, по Муравьеву, произведения изящной словесности (или «письмена», как их определяет автор) «исследывают и изображают красоту, разлившуюся во всех творениях природы и деяниях человеческих».¹⁸ Аналогичным образом формулирует предмет искусства и глава школы Карамзин. Искусство «должно заниматься одним *изящным*, изображать красоту, гармонию и распространять в *области чувствительного* приятные впечатления»,¹⁹ — писал он в статье «Что нужно автору» (1793).

И для Муравьева и для Карамзина сама природа творческой деятельности художника мыслилась в неразрывной связи с нравственной основой содержания искусства. Добро и красота не существуют вне друг друга. «Я уверен, что дурной человек не может быть хорошим Автором»,²⁰ — замечает Карамзин в той же статье. Это стремление к абсолютизации этической стороны содержания прекрасного помогает понять и своеобразный политический индифферентизм позиции Карамзина, его попытки найти в слиянии нравственных категорий с категорией прекрасного основу общечеловеческого идеала социальной гармонии. И в последнем он по-своему следовал идеям Шиллера, высказанным у того в «Письмах об эстетическом воспитании» (1793).²¹

Карамзин ввел в русский язык термин «эстетика». Во время своего европейского путешествия он в Лейпциге слушал «эстетическую» лекцию Платнера и позднее при публикации «Писем русского путешественника» изложил суть услышанного, познакомив русских читателей с новым для них понятием: «Эстетика, — писал Карамзин, — есть *наука вкуса*. Она трактует о чувственном познании вообще. Баумгартен первый предложил ее как особливую, отделенную от других науку, которая, оставляя логике образование высших способностей души нашей, т. е. разума и рассудка, занимается исправлением чувств и всего чувственного, т. е. воображения с его действиями. Одним словом, эстетика учит

¹⁸ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1820, ч. 3, с. 31.

¹⁹ Карамзин Н. М. Собр. соч., т. 2, с. 121.

²⁰ Там же, с. 122.

²¹ См. об этом подробнее в книге: Кулакова Л. И. Очерки по истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 214—216.